

Письмо

85. (on 2000...)
86. Отправил письмо
Ремизову
(от - при обращении
& по - Золотарю
Д. Раджапову
мис. мис
& полковник)

Полухина Наталья

16+

Наталья Александровна Полухина

Письмо. Серия

«Другая сторона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56409645

SelfPub; 2021

Аннотация

Представьте себе, что вы живёте свою одинокую жизнь, присматриваете за домом родственников, стареньким и никому не нужным "семейным гнездом", и вдруг начинаете слышать Голос, который начинает вами командовать, а вы не имеете сил отказаться. Да и любопытство. Куда оно вас заведёт? Вы находите по указаниям Голоса письмо от неизвестного маленького мальчика, где рассказано об убийстве, и начинаете ваше странное мистическое расследование. В ходе которого вы находите нечто таинственное. И тут ваш дом сходит с ума и выбрасывает вас в аналог этого же дома, где живёт странный мальчишка, написавший письмо. Вы парите над землёй, вас кусают неведомые существа, вы перемещаетесь непонятно куда и непонятно как, и мир вокруг вас начинает свою странную пляску...

Наталья Полухина

Письмо. Серия

"Другая сторона"

Проверь свою тумбочку. Проверь. Голос в голове повторил это снова. И снова. Не послушаться голоса в голове – превыше любых сил. Я не сомневался в собственной невменяемости, поэтому открыл. Проверь. Справа в углу, смотри, письмо. Вот оно.

Дорогой друг! Дорогая моя высшая сила! Милый Бог!!! Пожалуйста, если ты читаешь это, значит, ты существуешь...

Почерк был детский, девичий, листочек вырван из тетради в клетку, небрежно, скоро, криво, часть страницы оборвана, ещё кусок вырвало из другой страницы. Так рвут впопыхах, когда плевать и всё равно, так рвут, когда стараются изо всех сил, а получается как назло, кошмарно, криво, с дырами и заломами.

...Мама и папа лежат в углу, вокруг всё красное, наверное, это их кровь. Я бы хотел всё исправить, мне так страшно теперь одному...

Боже! Что за бред? Кто это мог написать? Что это?

Читай, читай, а то ты пожалеешь. Голос в голове неумолим. И не возразить. Читаю дальше. Кто же ты, неизвестный

мальш? Всё же это, похоже, мальчик. Или девочка, которая хочет казаться пацаном.

...Когда меня заберут? Может быть, кто-то придёт? Мне очень хочется есть. Дорогая высшая сила, пожалуйста – пожалуйста – пожалуйста, приди и исправь всё, я очень тебя прошу! Пусть это всё исчезнет и этого никогда не будет!..

Я зажал лист в руке и побежал вниз по лестнице. Под ногами гудел старый домик моей бабушки, куда я приехал присмотреть за стенами и окнами. Приглядывал здесь за хозяйством, узнавал, не нужно ли чего починить, ремонтировал то, что ломалось. Строеение сейчас истошно скрипело и хотело под снос. Трещина по диагонали во всю стену красноречиво рассказала о необходимости это сделать. Зимой здесь стало холодно из-за трещины. Бабушка давно умерла, через много лет после деда, когда всё забылось уже. А дом было жаль и мне, и всем моим родственникам – сестре и младшим братьям. Старенький родной любимый домик моей бабушки, как я по тебе скучал! В детстве я проводил здесь как минимум один месяц в году, обычно это было лето. Иногда я появлялся здесь на Новый Год и в другие памятные даты, и в честь семейных событий. Помню свою страсть к старым страннным вещам, частенько откапывал их в шкафах, тумбочках, столах, в ящиках, которые находил под кроватями, в подвале, в погребе и в гараже. Погреб с его запахом червей, гнилой картошки, квашеной капусты и мышей. До чёр-

тиков пугало меня это место в детстве, я всё придумывал себе невесть что! Боялся, что спущусь и увижу в подвале труп. Мертвяка, мы так тогда говорили. Но теперь меня пугают такие письма. Ну что, моя нынешняя находка? Малыш, кто же ты? Что мне теперь с этим делать? Кому письмо? Противный голос в голове притих. Видимо, он выжидал, когда же у меня пройдёт нахлынувший так предсказуемо приступ воспоминаний.

Решил отправиться на кухню. Раз у меня в сумасшедшем доме на плечах тишина, надо пользоваться случаем, а то снова оно там заговорит. Что тогда делать? Пошёл во двор, вытащил из машины пакет со снедью. Всё началось, ещё когда ехал сюда. Тот голос заговорил со мной прямо в машине, не дожидаясь, когда доберусь. Я со смехом подумал, что это что-то вроде GPS-навигатора, наверное. Посещения психотерапевта дали своё. Вам мешают эти ваши голоса в голове? Сейчас мы поработаем над тем, чтобы вас это не напрягало! Не то, чтоб голоса были чем-то обычным, но... в общем, я не удивился. Вот неведомо, почему. Атмосфера дома, дворика, леса за оградой и реки была изысканно сверхъестественной, мистической, сказочной и волшебной. Хотелось шутить о том, что если услышу тут голос в голове, увижу русалку или единорога – не удивлюсь! Когда появился голос, я не удивился, правда. Даже ждал чего-то такого.

И вот открываю я багажник, а пакета нет. Ладно. Хорошо. Ничего удивительного. Итак, по порядку Помню, как вынес

пакет из супермаркета и положил его прямо сюда, сзади, в багажник. Помню, как плюхнулся за руль и окатил в сторону дома щебневой грунтовкой. Помню, как укатано, привычно шуршали, скрипели, гудели колёса моего авто о камни. Помню, как приехал. А теперь пакета в багажнике нет.

Возвращаюсь в холл, он тут совмещён с кухней. Холл у меня как веранда. Его окна во всю стену и состоят из многих мелки окошек, стекло затянуто в сетку сот, а верхний ряд – витраж. Цветные лучи рисуют на стенах, потолке, полу и на всём, что тут находится, цветные волшебные татуировки. В детстве я считал это место лучшим в мире, островком умиротворения и благополучия, куда я прибегал после своих детских приключений, напуганный, усталый, плюхался на старый диван. Диванище, настолько дремучий, что пружины даже не гудели, он был весь в рытвинах, грязный, старая полосатая кошка Мурка, когда ещё была жива, родила однажды там котят. Вхожу в холл, пакет как раз красуется на этом диване. Когда я успел? Странно. Не помню, чтобы я его сюда приносил. Всё же прекрасно помню, всё – как приехал и как бросил авто во дворе перед крыльцом, выбежал, машину не закрывал – зачем? В округе никого, одиноко и пусто. У дома необслуживаемая маленькая подстанция с гудящими проводами, река, лес и пустоши за рекой, степи и это всё. Поднимаюсь на крыльцо, зажигаю свет, выключатель по правую руку всполохнул яркую уличную лампу-фонарь над дверью. Нашёл ключ в портмоне, сунул в скважину, открыл, во-

шёл... Внутри остро чувствовалось, что не приезжают. Дом стоял голодный и обезумевший от покинутости. Дверь бросил открытую, проветрить, впустить воздух и жизнь. Снова выключатель справа от двери, зажигаю свет в холле. Так я тут и оказался.

*

Голос, так похожий на тот, чьи сигналы я улавливал на пути к дому. И по чьей указке я нашёл письмо, которое теперь лежало скомканным в моём кармане. Этот голос сказал «Найди». Я жадно сунул в рот сосиску и кусочек хлеба, огурец, лист салата. Спонтанно рванул спуститься в подвал. Не зря сегодня вспоминался погреб. Спустился. Холодно. Стоял и думал, состояния было опустошённым, после сильного нервного возбуждения пришло внезапное равнодушие, оцепенение, отсутствовали мысли. Слышу стук. Кто-то пришёл? Не похоже. Стучат во входную дверь. Она же открыта! Могли же просто войти. Чужой дом, заходи кто хочешь, бери что хочешь! Стук шёл будто бы из-за стены подвала. За стеной ничего не было, нечего осматривать. Поэтому я просто поднялся обратно в холл. Тишина. Взял фонарь и решил начать наново, с крыши, с мансарды. Ну какая мансарда? Обычный чердак. Но мне нравилось думать, что это мансарда, так называется, красивое певучее слово, рождённое богемой и роскошью. Я всё детство мечтал там ночевать. Мне нравилось залезть как можно выше, было мечта жить на дереве, но до домика в кроне деревьев, как я видел в кино, мы так и не

дошли. Я лазал на чердак часто, меня оттуда гоняли даже соседи, всем казалось, что я сорвусь, но я чувствовал себя там как в гнезде, птицей, нашедшей дом и не желающей своё место покидать.

Выдвижная чердачная лестница, современная, её сюда установил я, потому что старенькая, та, деревянная давно сгнила. Эту я купил в строительном супермаркете, привёз, прикрутил, за неё нужно было потянуть и она раскладывалась гармошкой, выезжала под ноги плавно, красиво. Боковины были спроектированы так, что они же и были перилами. Я обожал эту лестницу. Гордился, что сам её нашёл, выбрал, всё сделал сам. Что было чудом само по себе. Руки же у меня росли вы можете догадаться, откуда, я вам намекаю. Ладно. Лезу наверх. Фонарь. Открываю из маленького холла второго этажа лаз наверх. Слышу звук, возня. Не пугает! Это крысы. К сожалению. С тех пор, как все покинули дом, здесь не стало ни псов, ни котов, ни людей. Пришли крысы. Остались, хотя есть здесь было нечего. Они облюбовали чердак, первый этаж и подвал. Второго этажа избегали, не слышно их там, не видно. Послушал минутку крысиную возню. Поднялся, дотянулся прямо с лестницы до потолка, потянул за верёвочку и зажёл свет. «Лампочка Ильича» на проводе в чёрном, заляпанном белой краской патроне болталась там, где скосы крыши соединялись. Это выглядело так романтично! Вокруг всё в пыли, это просто ужасно! Чихнул. Осветил всё вокруг. В углу увидел матрас старый-престарый, с другой

стороны резиновая надувная лодка. Стало больно, внутренняя боль согнула и почти уронила меня вниз. Ещё чуть-чуть и я был бы там. Память. Всё ещё помню. Трудно смотреть на то, что меня связывает с семьёй. Лодка – память о дедушке, о папе. Когда приезжал отец – на ней выходили они со спиннингами рекой.

Отвернулся прочь вместе с фонарём. И тут увидел её, ту коробку. Полез посмотреть, что там. Она была старой, в такой папа хранил киноплёнку. Серо-коричневый цвет бортов корабля, судна, в котором в дальнем плавании во времени находилось содержимое. На бортах нашего судна – бурые пятна. Приоткрыл, свечу фонариком. Вижу верёвку из пеньки, жёсткую и тонкую, небольшой кусок. Верёвка тоже в бурых пятнах, испачкана была во что-то давно. И ворох конвертов их разных времён, белых, серых, жёлтых и нежно-молочного цвета. Письма. Бумаги, сложные листочки в несколько раз, обрывки фотографий и газет. Снял, понёс вниз. Осторожно спуститься по этой лестнице, узкой и шаткой. Всегда боялся лестниц. Они, конечно, не кусаются, но сбрасывают оземь. В детстве, прямо здесь, в этом доме, я грохнулся с лестницы у старой яблони. Точнее было бы сказать, я упал в тот раз вместе с лестницей. Забрался туда яблочек поесть, ага. Лестниц боюсь любых теперь.

Спускаюсь. Снова этот стук, скрип пола под ногами продлился несколько дольше, чем я топтался. Помните старые полы из обычных досок, плохо подогнанных? Их красили

красной половой краской цвета кармина и сангины, я всегда удивлялся, почему именно в эти цвета. Вы если представите синие полы или бутылочного цвета, лиловые, поймёте. Тот же. Замираю. Делаю ещё один шаг, пол скрипнул теперь послушно ровно в такт, дверь покорно взвизгнула в унисон, когда я её трогаю едва. Наш дом всегда славился байками, которые мне сочиняла бабушка она ночь. После её безумных сказок я не спал ночами, порой до рассвета, мне чудились героини и явления из её таинственных рассказов, волки, заблудившиеся путники, шаровые молнии, грозы, дожди и бураны, вещие сны, святые и убийцы, страшные трагедии, в которых никто не виноват, и всё это вперемешку с кошками, собаками и козами, братьями и сёстрами, друзьями и соседями, сплетнями, родами и смертями. Дед тоже любитель был поболтать, когда выпьет, его не удержать. У него существовала своя мифология. Ужасы, привидения, проклятья, нападения, преследования, маньяки, демоны, потусторонние существа и коридоры между версиями реальности. У деда с бабушкой было негласное соревнование: кто больше запугает внуков. Думаю, из-за них у меня чердачок и тютю. Хотя. Может быть, это у нас семейный дар какой-то, видеть и знать того, что не существует, а порой и слышать, и осязать, и творить. Ну. На скучную жизнь я никогда не жаловался, вселенная любила удивить меня чем-то новеньким и сложным.

Сейчас предстояла сложная задача, тем более, я не знал, что делать. Стащил ящик в холл второго этажа. Снова услы-

шал стук.

*

Лежу ночью под стареньким бабушкиным стёганым одеялом, почти сплю. Здесь никого. Только я и голос. Когда я разобрал сегодня этот ящик, то не нашёл там ничего, что подсказала бы мне, как быть с этим детским письмом. Нашёл ещё письма, старые, какой-то семьи, не нашей. Верёвку, о которой уже было. Куски газеты, похоже, попали туда случайно, в них была завёрнута верёвка. Какая-то семья на газетном чёрно-белом фото, никого на снимке не узнал. Мужчина, женщина и ребёнок улыбались своим неприкрытым счастьем. Заголовок что-то там о трагической их гибели в собственном доме. На верёвке высохла кровь или что-то похожее. Почему-то стало нехорошо, когда смотрел – вспомнил страшные фильмы и сказки, повешенные кошки, удавки, брр, неприятно. Ощущения от этого предмета, от всего ящика было премерзкое и тревожное. Ящик явно был не наш и нашей семье не принадлежал. Откуда взялся? Чужеродное тело. Судно, что заплыло сюда издалека, из других мест и из другого мира. Я тогда не знал ещё, насколько угадал.

*

Утром я готовлю себя кофе с молоком и сахаром. Сижу, болтаю ложкой и читаю письма. Голос в голове разбудил меня рано. Я совсем не смог выспаться, хотя вырубился вчера предательски быстро, вечер почему-то наступил как-то внезапно, неожиданно. Чувствовал, что спал пару часов всего,

глаза были красные, их жгло и они чесались, так бывает у меня, когда работаешь по двенадцать часов в день, а спишь по два. Кофе привык пить с ложкой в чашке, да, я знал, что это не по этикету и некрасиво, меня бабушка учила так не делать, другая бабушка, не эта. О той бабушке у меня воспоминаний осталось мало, мы там редко бывали, а когда я там оказывался – внимание больше уделял своим друзьям.

Кофе остывал, а я открывал конверты. Вчера я уснул под шуршание крыс, они что-то грызли в стенах и под полом, или где там принято считать, они обитают. Стуки тоже были, но вся эта возня с голосами и письмам меня так выбила из колеи, что мне было уже плевать. Дом всегда был буйным местом, что уж, не привыкать. Сейчас на меня смотрели кусочки бумаги из чьей-то жизни. Переписка людей, которых я не знал. Вот переписка мужчины и женщины, это пара. Она о любви, о скорой встрече, здесь они молоды, а в других письмах они уже старше, прошло лет десять, в те времена писали на бумаге, сейчас такого достояния и не найти.

И тут этот голос. Спустись в погреб. Немедленно. Сейчас. Можно я кофе допью? Конечно, я подорвался как ужаленный. Просто взлетел на стуле, я прямо услышал это шшш – как в мою кровь впрыснулся адреналин лошадиной дозой. Пулей слетел вниз. Погреб. Боже, как я туда не хочу. Полез, темно, свет не работает. Лампа перегорела или прохудился провод. Забыл фонарь, вернулся и осветил сначала лестницу. Вот где лестница не менялась лет сто, и это не преувече-

личение. Старые гнилые ступеньки древней драбыны, как её называли бабушка и дедушка. Ноги соскальзывают, всё в плесени, беловатый грибок. Мерзко трогать скользкие и липкие поверхности. Драбына, рама входа в погреб, обрамляющая квадратную дырку в полу подвала, всё это воняло землёй, скользило, прилипало и дышало ледяным духом чего-то пугающего, страшного. Я боялся соскользнуть и переломать все кости. Меня тут никто не найдёт. Мобильный тут не берёт, да и забыл я его на кухне. Каждый раз в своей жизни, когда я лезу сюда – вот в этот момент, когда половина меня находится внизу в темноте, а половина ещё цепляется за раму, каждый раз до того, как полностью занырнуть, я думаю: «Зачем я туда лезу? Больше никогда! Ни ко гда!» Что я здесь делаю? Поскользнулся на последней ступеньке, больше потому, что так разволновался. Отвлёкся на свои мысли и тревоги. Подвернул немного ногу. Ну вот, я так и думал! Осветил фонарём пространство. Оно было маленьким, тесным, похожим по размеру на могилу, какой её роют на кладбищах, когда вы им несёте какого-то родственника. Лестница упиралась в земляной пол, утопанный и сухой. Влага была везде, кроме пола. Со всех стен смотрели деревянные чёрные полки, больше пустые, стояли банки, часть из них изнутри была покрыта серой мглой. Увидел керосиновую лампу, такую, что с ручкой и плетением на стекле. А вот зажигалку я взял, ура! Таскаю её с собой с тех пор, как бросил курить. Себе объяснял, что для хозяйственных целей. Она ни разу для

хозяйства и не пригодилась. Но вот теперь оказалась нужна. Попробую зажечь эту керосинку, о чудо, она горит! Свет от неё имеет особенный оттенок, вынимает из тьмы рельеф, как ничто, ни один фонарь не придаст такую чёткость и красоту рисунку светом. В углу будто что-то булькнуло или раздался шорох, я не понял, что, звука как бы не было, но я его услышал, больше почувствовал его кожей, как ощущают звуковую волну. Обернулся туда. Там стояла проржавевшая затаенная паутиной железная бочка.

*

Бочка была накрыта крышкой, сбитой из полусгнивших досок, с поперечными планками. Ручки не было, я отодвинул крышку. Внутри было что-то чёрное и вязкое, похожее на смолу или кисель. Засунь руку туда. Засунь руку. Гул в голове, обозначающий слова, облечённый в головную боль, толкал меня вперёд и был настойчив. Я поморщился. Наклонился, закатал рукав и сунул руку внутрь. Фу! Вязкая жижа мерзко воняла, как на бойне на мясокомбинате, где я бывал часто в детстве, здесь недалеко заброшенное здание бойни, оно не работает уже 20 лет. Рука ухватила что-то твёрдое и я потянул. Это оказалась кость и чёрный ботинок на ней, с полусгнившим шнурком. Я бросил обратно эту гадость и побежал вверх. Побежал это слишком, дважды я поскользнулся на лестнице. Рука, скользкая от трупника, соскальзывала, жижа капала на ступеньки. Я бежал внутри себя, как заяц через лес, моё нутро скакало то ужасом через всю тьму, вспыш-

кой в ней, то рвался выпрыгнуть из тела прочь от кошмаров. Их мой лихорадочный мозг писал в моём воображении сейчас отчаянно и хаотично. Подтянулся на руках на раме погребца, опасаясь свалиться в эту гадкую темноту, выдернул ноги, лёг на пол и начал дышать. Так. Что это было. Трупник. Может быть, это кости животных? А обувь? Это месиво вполне могло быть когда-то человеческим. Память подсказывала, что в бочке плавали ещё детские сандалики, всё это я не успел осознать внизу, но память моя услужливо поставила материал. За мной никто не гонится. Что дальше? Впервые я задаю голосу вопрос. Тишина. Он не отвечает. Я лежу, дышу, отхожу. Поднимайся и иди. Я уж решил, что снова одинок в своём трясущемся от страха теле. Голос не имеет интонаций. Однако в нём что-то такое, механически-живое, что заставило вслушиваться и ждать приказов, советов, указаний, подчиняться. Я сел. Подтянул ноги. Заглянул. Темно. Керосинку я не гасил. Так почему темно? Ладно. Пора уходить. Хочу вымыться. В висках стучит, перед глазами янтарные сполохи. Страх, стресс, адреналин. Меня недюжинно напугало! Давно я так не боялся. Поднимаюсь наверх, сначала в холодный сухой подвал, оттуда дальше небольшая лестничка к первому этажу, в холл, нормальная, человеческая. С удобными ступеньками и перилами. Открываю дверь и...

*

– Мама! Мама! – малыш лет пяти пробежал по коридору перед моим носом. За ним прошёл молодой тридцатилет-

ний парень. Ещё зелёный – подумал я. Из кухни был слышен шум воды, наверное, мыли посуду. Там его мама. Уходи. Уходи. Вернись, – сказал голос. Да пошёл ты знаешь куда? Я вышел в коридор и не узнал дом, он был совсем другим. Рядом с выходом из подвала дверная ручка, белая красивая дверь. Толкнул, попал наружу. Вымыл руки из дворовой колонки. Умылся. Присел на корточки и задумался. Так. Приехали. Куда я попал? Когда я всё пропустил? Сошёл с ума и не заметил! Может быть, это сон? Как ответ на мои сомнения и страхи – голос и смех ребёнка в доме, потом голоса его родителей. Совпадает. Вот ребёнок, это он написал записку, может быть. Вот его родители и они живы.

Может быть, я сместился куда-то во времени или пространстве? Фантастический фильм. Можно предположить. Мне вдруг стало всё равно. Я с облегчением решил, что двинулся, свихнулся, спятил, сбрендил, рухнул, повредился или помешался. Всё это мне прямо сейчас снится, ничего на самом деле не происходит и я вижу плотненькие добротные галлюцинации. Видения, фантомы, миражи. Бум. Приехали. Уходи. Тот голос – самое реальное, что сейчас было здесь для меня. Я уцепился за него, как за своё спасение. Он настоящий.

*

Мальчик открыл дверь, увидел открытый кран колонки, выбежал и закрутил его. Вода, которую я бросил течь, перестала. Малыш оказался старше, чем мне показалось внача-

ле. Серебристо-русовая отросшая за лето витая шевелюра сияла на солнце, мерещился нимб над его милой головкой. В этом юном человеке было чудесно много света, который он излучал каждым своим движением. Мальчишка развернулся и побежал обратно, и шестым чувством я понял точно: вот он, автор моего письма. Вблизи парнишка показался старше. Лет семь-восемь, взгляд полон ветра и осмыслен. Не так, как обычно у детей. Всё вокруг него сияет. Малыши смотрят любознательно, чутко, проникают, а здесь я увидел взгляд постороннего, казалось, что его душа не была местной, земной. Она жила воспоминаниями о другой стороне, о космических далях, о своём доме, откуда она родом, о незнакомых мне явлениях, ощущениях и картинах.

*

Я подождал, пока они позавтракали и ушли наверх, по обрывкам разговоров понял, что семья сегодня куда-то едет. Обхожу дом вокруг. Красивое и простое белое строение в три этажа ничем не напоминает дом мой бабушки. Во дворе зеленел свеженький и ухоженный газон, сад причёсан заботливо, внимательно. Возле въезда во двор почти сразу за воротами стоял аккуратный маленький флигель, беленный, как в старину, с деревянной кровлей и окрашенным низом у земли в тёмно-бутылочный. Вокруг флигеля росли жёлтые и рыже-коричневые чернобрывцы. Дух во дворе другой, я через забор и за ворота. Внизу текла моя речка, моя! Та же самая, что и у дома, где я был час назад.

Вернулся и задумал войти в чужой дом через гараж, гаражные ворота были открыты, семья собиралась в дорогу. Прислушался и уловил такие же шорохи и стук, что были и у меня в доме. Толкнул двери, ведущие из гаража в дом. Не поддалось. Толкнул посильнее, ещё сильнее и ещё. Я толкал и толкал, ничего не получалось. В момент, когда меня затопило отчаяние, рванул ветер, где-то очень далеко залаяли, завыли псы, их голоса смешались с криком порыва ветра, двери поддались и я оказался неожиданно у себя на кухне, в холле, выпав туда из подвального выхода.

Прежде, чем свалиться лицом в старый палас, я завис над полом на пол секунды. Это хватило. Я успел вытянуть вперёд руки, после чего грохнулся. На дворе стояла ночь, в комнате тоже было темно, из окон в холл попадало совсем мало света от серого ночного неба. Я снова сажусь, снова поджимаю ноги. Сажу так долго, переживаю случившееся. Весь перепачкан грязью, слизью, плесенью, пылью и содержимым трупника, я дрожу. Трясёт. Начинаясь серьезная паника внутри меня, и я не самом деле не знал, что делать. Закружилась голов и я лёг, закрыл глаза и вдруг уснул, ненадолго. Просыпаюсь от того, что снова в стенах что-то скребётся, стучит и, как мне кажется, даже топает. Я лежу в серой мгле, в неоконченных сумерках комнаты и молчу. Слушаю своё дыхание, прихожу в себя. Попытался встать и тут понял, что моё тело парит в воздухе недалеко от пола. Нежно и бережно, аккуратно нечто подняло меня в воздух. До пола было рукой

подать. Я потрогал пол. Ничего не произошло, я продолжал парить.

*

Когда я раньше попадал в неприятные ситуации, у меня против них в запасе было волшебное средство. Я закрывал глаза и засыпал. Впервые оно не мне помогло. Я попытался пошевелиться в своей воздушной подушке. Дотрагиваюсь до земли рукой и ногой и аккуратно медленно встаю. Это было так, как если бы я встал с гамака. Прошёлся по холлу, зашёл умыться в нашу ванную, а когда вышел, из окон бил свет уходящего солнца. Я устремляюсь к двери и попадаю в свой собственный двор. Здесь было знакомым всё и это оказалось сейчас целебным. Запущенный дикий сад, в углу двора собачья будка из битого рыжего глиняного кирпича, пса давно нет, он зарыт за малинником, зато двое котов, переплетая хвосты, прохаживаются в саду под деревьями. У крыльца, скрипучего, получившего от старости асимметрию, растут нежные анютины глазки лимонно-жёлтого, пурпурного и густо фиолетового цветов. Их высадила моя тётка, она, как и я, приезжает сюда присмотреть за хозяйством и накормить и наших, и бродячих кошек. Когда-то здесь обо всём заботились и ухаживали умелые руки моих любимых близких, но те времена далеко позади. Я скучаю по дням, что помню! Дом не продан с тех пор, как опустел. Строение очень старое, в трещинах, расколоты окна, растрескались витражи, тесный погреб, куча пыли, выродившиеся плодовые деревья в саду и

ветхий дырявый низенький забор, выдававший окончательно степень упадка и запустения. Многого за этот дом и участок не ожидалось получить. Мне это семейное гнездо было жаль, хотя я всегда считал, что прошлое не вернуть, его надо отпускать. Сейчас я был исцелён, вдохновлён и одновременно пойман этим домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.